

Вестник Знания

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

РЕДАКТОР: акад. проф. С. Ф. Платонов, ПРЕЗИДИУМ РЕД. КОЛЛЕГИИ: акад. проф. Д. К. Заболотный, проф. Н. А. Морозов (Шлиссельбуржец), акад. проф. Е. В. Тарле.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: На год с дост. и перес.
24 кн. журнала „Вестник Знания“, без приложен. 6 р.
По абон. № 1 с приложениями 12 „
„ „ № 2 „ 12 „
„ „ № 3 „ 15 „

№ 9
М А Й
1929 г.

КОНТОРА и РЕДАКЦИЯ:
Ленинград, 25, Стремянная, 8. Телеф. 58-02
Телеграфный адрес: ИЗДАТСОЙКИН



М. С. КОРОЛИЦКИЙ.

Изобразитель предреволюционного мрака.

(К 25-летию смерти А. П. Чехова)

Мертвые дали... Грозы и бури революции унесли безвозвратно пасмурную и унылую чеховскую Россию; и о Чехове и его творчестве можно говорить в минувшей, уже отдаленной и затуманенной временем перспективе.

Чехов не верил в революцию. В условиях задушенной и обезличенной российской действительности он не видел для этого почвы. Человек положительного, позитивного мироощущения, он верил в науку, в прогресс, в общественное возрождение и обновление, но медленным, постепенным, долговременным путем. И в этом основа чеховской тоски, его угнетения и пессимизма. Этот пессимизм внушали мрачные очертания русской жизни, наблюдения убогой, необъятной страны, из которой вытраивалось все живое, все, исполненное мысли и протеста.

Надо ли говорить о том, что представляла собой Россия Чехова, которую с такой изумительной тонкостью и точностью он изобразил в своих многочисленных произведениях? Надо ли вскрывать социальные основы его творчества, его сетования на режим, при котором «все так устроено, что одни классы снимают пенку с жизни и живут на счет других, которые в вечном труде не видят света божьего»? Надо ли вспоминать о многообразных его персонажах: «человеках в футляре», жалких чинушах, опустившихся, разочарованных интеллигентах, самодовольных, тупых эгоистах, купцах-капиталистах, дельцах-хищниках, кулаках-эксплуататорах, обывателях-горожанах, взяточниках-паразитах, вырождающихся дворянах, врачах, адвокатах и т. д. Это — уже давность, мир потонувшего прошлого. Но, отображая этот мир, созерцая всю его жуткую панораму, улавливая его действующие и противодействующие силы, Чехов предощущал какие-то назревающие сдвиги, быть может — катастрофы. В этом смысле он явился предвестником грядущих судеб, будущих общественных потрясе-

ний. И, стоя у двадцатипятилетней даты кончины писателя, надобно сказать, что, как художник, Чехов бессознательно, с поразительной интуицией предвосхитил надвигающиеся политические и социальные бури.

„Слог, говорит Шопенгауэр, есть только силуэт мысли“. У Чехова, быть может, в большей мере, чем у кого-либо из наших писателей, его индивидуальность отразилась в его стилистике, его изобразительных способах и приемах выражения мысли. С этой стороны Чехов может и будет служить предметом специального изучения. Он явился творцом того особого жанра в русской литературе, бытовой живописи в коротком очерке, наброске, этюде, новелле, который сделался господствующим, но в котором после него едва ли кто достиг такой монолитности и совершенства не только у нас, но и на литературном Западе. И для истории творчества Чехова в высшей степени характерно его собственное признание о том, что он умеет писать только по воспоминаниям и никогда не писал непосредственно с натуры. „Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на нем, как на фильтре, осталось только то, что важно и типично“. Это важное и типичное он воссоздавал с тою живостью и яркостью, блистательным остроумием и психологическим проникновением, которые остаются в памяти и по сие время.

Забывается Чехов... Ибо все больше отходит в область забвения и самая эпоха, талантливейшим изобразителем которой он явился. Но в историко-литературном смысле Чехов незабвенен. Его место значительно. Его произведения художественно-документальны. Своим поэтическим и вдохновенным талантом он оставил яркий след в русской изящной литературе. В его произведениях порой звучат необычайно грустные и меланхолические ноты. Окидывая духовным взором широкие просторы мировой и отечественной жизни; впитывая в себя

трагизм эпохи, ее жизненные драмы и противоречия, он впадал в уныние, в глубокий скептицизм. Но он верил в поступательное движение человеческого общества, в то, что в этом своем движении оно делает „два шага вперед, шаг назад“; он верил в „жажду правды“ и „упрямую волю“ людей, о которых говорит один из его героев в „Дуэли“.

Он явился новатором, создателем определенных форм в области литературного творчества, создателем школы.

Он изобразил одну из сумеречнейших эпох русской жизни, наиболее ярким бытописателем которой он останется навсегда в летописях родной литературы.

М. Корюцкий.